

Тут меня, должно быть, черт попутал, так или иначе, но планы мои в очередной раз решительно изменились. Поначалу я намеревался ограничиться осмотром архитектурных памятников. Теперь же, не досмотрев, спешил в центр, чтобы поскорее выбраться из этого смрадного города, навевающего раздумья о запустении и смерти. Однако при виде старого Зедока Аллена мысли мои потекли в ином направлении, и я невольно замедлил шаг.

Хотя у меня уже сложилось впечатление, что старик всего лишь разносит нелепые и бессмысленные бредни, а кроме того, меня предупредили, что беседовать с ним небезопасно, все же меня неудержимо тянуло поговорить со старцем, на глазах которого город постепенно пришел в такой упадок, со свидетелем, помнившим дни, когда корабли и фабрики были обычным явлением в жизни горожан. В конце концов даже самые невероятные мифы часто оказываются символическим отражением реальности, а старик живет в Инсмуте более девяноста лет и многое повидал. Здравый смысл и осмотрительность отступили перед вмиг вспыхнувшим любопытством, и я в тщеславии молодости возомнил, что смогу различить крупницы истины в сбивчивом, бессвязном повествовании, которое надеялся услышать с помощью виски.

О том, чтобы заговорить со стариком в присутствии пожарных, и речи не было: они бы этого не допустили. Да и надо было сначала раздобыть у бутлеггеров спиртное, благо продавец из бакалеи подсказал мне, где его всегда можно достать. Я положил вернуться сюда уже с бутылкой и с самым безмятежным видом слоняться недалеко от депо, дожидаясь, когда Зедок отправится бродить по городу. По словам продавца, старик отличался непоседливостью и никогда не сидел здесь более часа-двух кряду.

Кварту виски я заполучил довольно легко, хотя и не дешево, в одном магазинчике на Элиот-стрит, неподалеку от центральной площади. Конечно, с черного хода. Неопрятный мужчина, вынесший бутылку, бросил на меня типичный «инсмутский» взгляд, но в остальном был даже любезен: судя по всему, привык обслуживать чужаков, желающих как-то скрасить время, — шоферов, скупщиков золотых изделий и прочих заезжий люд.

Выходя в очередной раз на площадь, я понял, что мне повезло: со стороны Пейт-стрит показалась длинная, тощая фигура старого Зедока Аллена, который, пошатываясь, плелся к гостинице. Я постарался привлечь его внимание к только что купленной бутылке и, добившись своего, повернул на Уэйн-стрит и зашагал в сторону безлюдного района. Старик, плотоядно поглядывая на бутылку, зашаркал следом.

Сверяясь с полученным от продавца планом, я продвигался к пустынному месту на южном побережье, где уже побывал сегодня. Кроме маячивших вдали на молу рыбаков, вокруг никого не было. Чтобы полностью обезопасить себя, я собирался пройти еще дальше. Там, на заброшенной верфи, в укромном местечке, можно было вдоволь наговориться, не боясь быть замеченным. Но не успел я дойти до Мейн-стрит, как услышал за спиной хриплый голос старика, с трудом окликающего меня: «Эй, мистер, погодите!» Приостановившись, я подождал, пока он поравняется со мной, а затем предложил несколько раз основательно приложиться к бутылке.

На улицах не было ни души, нас окружали одни только причудливые скособооченные лачуги, Я попробовал разговорить старика, но тот оказался более твердым орешком, чем можно было предполагать. Наконец между двумя полуразваленными стенами я увидел проход к морю, а дальше на берегу поросшие сорной травой руины верфи. С севера этот уголок был закрыт от любопытных взоров старым складом, а на моховиках у самой воды можно было удобно расположиться. Идеальное место для душевной беседы, подумал я и предложил своему спутнику последовать за мной к морю. Там мы уселись на камни. Сердце мое сжималось от

запустения и тлена, которыми, казалось, даже воздух был пропитан, голова кружилась от невыносимого рыбного зловония, но я твердо решил держаться до конца.

До отправления архемского автобуса оставалось четыре часа, и я принялся за свой скудный ленч, время от времени давая пьянице отпить из бутылки. Боясь, как бы Зедок не набрался до бесчувствия, внимательно отмерял порции, следя за его состоянием. Спустя час у старика развязался язык, но, к моему глубокому разочарованию, мои расспросы о загадочном прошлом Инсмута он пропускал мимо ушей. Зато с видимым удовольствием болтал о текущих событиях, неожиданно обнаружив хорошее знакомство с прессой. Было видно, что он любит пофилософствовать на деревенский манер — с яркими, назидательными афоризмами.

К концу второго часа я стал опасаться, что кварталы виски оказались недостаточно для удовлетворения моего любопытства, и стал подумывать: а не лучше ли оставить старого Зедока в покое и уйти с миром? И вот тогда-то случай сделал то, чего я не смог добиться всеми своими уловками. Старческая хриплая болтовня неожиданно переключилась на интересующий меня предмет, и я подался вперед, напряженно вслушиваясь. Все это время я сидел спиной к морю, откуда доносился все тот же мерзкий рыбный запах, старик же лицом к нему. Видимо, бесцельно блуждающий взгляд его остановился на четко и эффектно вырисовывавшемся вдаль Рифе Дьявола. Зрелище ему, однако, не понравилось, и он чертыхаясь про себя, доверительно зашептал, заговорщицки мне подмигивая. Склонившись ближе и ухватив меня за лацкан пиджака, он делился все более красноречивыми признаниями.

— С этого паскудного места всё и началось. Все зло в нем. Это врата ада, и ни один лот не достанет там дна. Капитан Абед принес нам беду. Он нашел здесь больше богатства, чем в южных морях.

Все пошло тогда прахом. Торговля сворачивалась, фабрики — даже новые — закрывались, лучшие мужчины занялись каперством. Все они погибли в войне 1812 года или пропали без вести на кораблях Джилмена — бриге «Элиза» и барже «Рейнджер». У Абед Марша было три судна: бригантина «Колумба», бриг «Хетти» и барк «Королева Суматры». Только он один из всех ходил в Вест-Индию и Тихий океан и торговал там на островах с дикарями.

Да, такого чертова отродья, как капитан Абед, не было еще на свете. Помню его рассказы о заморских краях и еще как он обзывал болванами тех, кто исправно посещает церковь и безропотно несет свой крест. По его словам, там, где он торговал, жители поклоняются более могущественным богам. Те, дескать, прислушиваются к молитвам людей и посылают им много рыбы.

Мэтт Элиот, его первый помощник, тоже много чего рассказывал. Но его не очень-то трогали, скорее отвращали все эти языческие шуточки. Так вот он говорил, что к востоку от Отахейта лежит остров с древними каменными божками, старше которых нет ничего на свете. Они похожи на тех, что встречаются на Понапе в группе островов Сенявина, но резными чертами лиц напоминают каменных великанов с острова Пасхи. Неподалеку есть еще один остров, вулканического происхождения, тоже с каменными диковинками. Эти камни такие гладкие, словно долгое время пробыли под водой. На них, однако, сохранились изображения страшных чудищ.

Так вот, сэр, рыба в тех местах, по словам Мэтта, не переводится. А народ щеголяет в головных уборах и браслетах из невиданного золота, испещренного изображениями тех же жутких чудищ — помеси рыбы с лягушкой или вроде того. И вот эти-то чудовища запечатлены на украшениях в разных позах, будто люди. Жители никому не говорят, откуда у них эти богатства. Туземцы с соседних островов удивлялись, отчего рыба здесь всегда ходит, даже

когда ее нигде в помине нет. Мэтт этого понять не мог, и капитан Абед тоже. Потом Абед заметил, что каждый год с острова исчезают непонятно куда красивые молодые люди, а стариков вообще не видно. И еще он обратил внимание, что некоторые обитатели острова выглядят год от года все более странно.

Капитан Абед докопался-таки до истины. Как он это сделал, не знаю. Но только вскоре он начал прицениваться к золотым вещам. Спрашивал, откуда они и можно ли достать еще. Наконец некий Валакеа рассказал ему древнюю легенду. Никто, кроме Абеда, не поверил бы этому светлокожему старому дьяволу, но капитан понимал туземцев и читал их души, как книги. Ха-ха! Никто не верит моим рассказам, и вы, молодой человек, тоже наверняка не поверите, хотя с виду вы такой же смывленный, как и капитан Абед. Да и глаза у вас точь-в-точь как у него.

Старик зашептал еще тише, и, хотя я был уверен, что слышу всего лишь пьяные бредни, неподдельный ужас, зазвучавший в его голосе, заставил меня содрогнуться.

Так вот что я вам скажу, сэр. Абед узнал такое, о чем не знал никто в целом свете. Да и знал бы — не поверил. Оказывается, жители Канаки — так назывался остров — приносили своих юношей и девушек в жертву неведомым богам, живущим в морской пучине, а те взамен ниспосылали им свое благоволение. Абед решил, что изображения страшных чудищ на вулканическом острове как-то связаны с этими богами. Те, возможно, были амфибиями — отсюда и все эти русалочьи рассказы. Толковали, что на дне моря у них целые города. Маленький вулканический остров, что поднялся из глубины, как раз оттуда. А в каменных жилищах, от которых остались одни развалины, эти существа жили. Кое-кто из них жил на том месте, которое островом поднялось над водой. Туземцы с Канаки увидели их, объяснились знаками и заключили сделку.

Этим лягушкам пришлось по нутру человеческие жертвоприношения. За долгие годы под водой они совсем утратили связь с землей. Никто не видел, что они делают с жертвами, и я думаю, капитан Абед был достаточно умен, чтобы не расспрашивать об этом. Жертвы приносились дважды в год — на первое мая и на тридцать первое октября, в канун Дня всех святых. Кроме того, существам преподносились также полюбившиеся им резные безделушки — изделия местных умельцев. Они же обязались подгонять к острову рыбу и сдержали слово: рыба со всего моря круглый год кишела у тамошних берегов. И еще они время от времени дарили туземцам разные золотые вещи.

Туземцы на каноэ переправляли жертв и подарки на вулканический островок, а обратно везли те золотые драгоценности, которые им приглянулись. Поначалу рыбоягушки не появлялись на большом острове, но со временем им захотелось его повидать. Они, казалось, стремились к обществу туземцев и не прочь были участвовать в их праздниках, вроде Майского дня или Дня всех святых. Любопытно, что они могли жить и в воде, и на суше, — настоящие амфибии, черт их подери. Туземцы предупредили соседей: если жители других островов пронюхают об их существовании, то им несдобровать. Но лягушки только посмеялись над этим, они, мол, нисколько не боятся. Сами могут кого хочешь уничтожить. Им не страшен никто, кому не подвластна магия Почивших Старцев. Однако, не желая лишних хлопот, они все же погружались в воду, если кто-то чужой приплывал на остров.

Когда выходцы из моря объявили, что хотели бы породниться с туземцами, те вначале заартачились. Но, как выяснилось, они и так уже были в родстве с морскими тварями. Все живое вышло из воды и при желании может снова в нее вернуться. Дети от смешанных браков, объяснили туземцам рыбоягушки, рождаются похожими на людей, но с годами в их облике больше проступают черты морских предков. В конце жизни они должны переселиться в море,

присоединившись к жителям подводной страны. Но вот что самое главное, молодой человек... Жители острова, превращаясь на склоне лет в рыболягушек и погружаясь в море, становятся бессмертными. Ведь эти морские существа никогда не умирают своей смертью. Их можно только убить.

Так вот, сэр. Когда Абед впервые попал на остров, во всех туземцах уже текла кровь морских тварей. Стариков там скрывали от посторонних глаз — уж очень они менялись — до тех пор, пока они окончательно не «дозреют» и не сойдут в море. Были и некоторые сложности. Большинство туземцев легко превращались в рыболягушек, но были и такие, которым это давалось с превеликим трудом. Быстро менялись те, кто уже рождался похожим на морских предков, те же, в ком побеждало человеческое начало, часто оставались на острове. Но их заставляли совершать пробные погружения. Переселившиеся в воду туземцы часто всплывали, чтобы посмотреть, как идут дела на острове. И никого не удивляло, если какой-нибудь молодой человек беседовал со своим прапрапрадедушкой, уже двести лет живущим в море.

Все перестали бояться смерти. Она отступила. Ты жил вечно, если только... не погибал в войне с другими дикарями, если тебя не приносили в жертву, если тебя не укусила ядовитая змея, если ты не сгорел от быстротечной болезни. Словом, если с тобой не случилось чего-нибудь непредвиденного перед окончательным переселением в воду. Теперь все готовились не к смерти, а к перемене обличья и образа жизни. Страх исчез. Туземцы считали, что выиграли в этой сделке, и могу поклясться, то же самое думал и капитан Абед, когда старый Валакеа рассказывал ему все это. Сам Валакеа был одним из немногих, кто не породнился с лягушками: принадлежа к семейству вождя, он должен был жениться на равной себе, то есть на дочери предводителя соседнего племени.

Тот же Валакеа познакомил Абеда с обрядами и заклинаниями, без знания которых невозможно было общаться с морскими тварями. Он также показал кое-кого, кто уже был ближе к рыболягушке, чем к человеку. Однако он не познакомил его ни с одной морской тварью. Под конец Валакеа подарил капитану какую-то, кажется свинцовую, штуковину, с помощью которой можно было вызывать этих тварей. Брось ее в воду, произнеси заклинание — и они тут как тут. По словам Валакеа, эти твари живут повсюду, и любой человек, знающий магические слова, может поднять их с морского дна.

Мэтту не нравились переговоры капитана и он уговаривал Абеда не связываться с жителями проклятого острова. Однако мысль о легкой наживе не давала капитану покоя, ведь богатство само плыло ему в руки. Дело пошло. Через несколько лет у Абеда было уже столько золотых вещей, что он открыл в Инсмуте золотообрабатывающую фабрику, купив у Уайта прогоревшее предприятие. Он не осмеливался продавать драгоценности в том виде, в каком они к нему поступали, — боялся расспросов. В руки команды иногда попадали отдельные вещицы, и хотя матросы поклялись держать язык за зубами и не хвастаться поживой, но вы же знаете, как слаб человек. Кроме того, капитан разрешил женщинам из своего семейства носить такие украшения, правда, из тех, что поскромнее, чтобы экзотичность их не бросалась в глаза.

Примерно году в тридцать восьмом, мне тогда исполнилось семь лет, Абед, наведавшись в очередной раз на остров, не нашел там никого. По-видимому, туземцы с соседних островов пронюхали-таки про морских тварей. Возможно, они отняли у местных магические талисманы, повиноваться которым были обязаны морские существа. Никто не знал, сколько их попало в руки туземцев Канаки, когда море выбросило из своих глубин остров с развалинами старшего самого всемирного потопа. Преданные своим богам туземцы не оставили никаких священных свидетельств иной веры на вулканическом острове, кроме очень больших каменных изваяний, которые нельзя было сдвинуть с места. Кое-где валялись мелкие камешки, возможно талисманы, с начертанной на них свастикой. Может, это и были магические знаки Старцев?

Люди исчезли, золотых украшений тоже как не бывало, а туземцы с соседних островов дружно помалкивали о случившемся. Все выглядело так, будто на острове никто никогда не жил.

Капитан Абед тяжело переживал все это: хорошо налаженная выгодная торговля неожиданно порушилась. Да и остальным инсмутцам стало хуже: золотым промыслом кормился весь город. Большинство горожан не роптало и смиренно переносило испытание, хотя беды сыпались одна за другой: рыба не ловилась, фабрика бездействовала.

Тогда-то Абед и начал стыдить горожан. Они-де как овечки молятся христианскому богу, которому нет до них никакого дела. А вот он, капитан, знал одно племя, так оно поклонялось могущественным богам, и те даровали все необходимое своим подопечным, и даже более того. И еще капитан сказал, что если люди поддержат его, то, может быть, удастся связаться с такими силами, которые пошлют им и рыбу, и золото. Матросы, ходившие с ним на «Королеве Суматры», сразу смекнули, в чем дело, и отмалчивались, их вовсе не тянуло связываться с морскими тварями. Но другие, соблазненные речью Абед, умоляли открыть им истинную веру, которая помогает людям жить.

Тут старик прервал свой рассказ и, пробормотав что-то невнятное себе под нос, умолк. Было похоже, что его неожиданно охватил страх. Он то нервно оглядывался, то подолгу, как зачарованный смотрел в сторону далекого черного рифа. На вопросы не отвечал, и пришлось опять прибегнуть к спасительной бутылке. Меня чрезвычайно заинтересовал безумный рассказ старика. Я считал, что притчевая основа истории вызвана особенностями внешнего облика инсмутцев, а яркое воображение старика, несомненно знакомого с морскими легендами, разукрасило ее аллегориями на потребу слушателей, придав ей вид захватывающей были. Ни на секунду не поверил я, что за этим увлекательным бредом скрыта хоть крупица истины, и все же, услышав о диковинных драгоценностях, в разряд которых попадала и зловещая тиара, виденная мной в Ньюбсрипорте, испытал чувство близкое к ужасу. Возможно, конечно, и другое. Родиной украшений действительно был далекий остров, остальное же присочинил капитан Абед, а этот антикварный старик лишь повторял выдумки с чужих слов.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1029977>